

речевого поведения с учётом этнопсихологических особенностей носителей различных культур, что в полной мере соответствует потребностям специалистов-международников в изучении иностранного языка. Достаточное внимание к формированию межкультурной компетенции в системе вузовского образования в целом и при изучении иностранного языка в частности позволит сформировать зрелую поликультурную личность, успешную в самоидентификации и во взаимодействии с представителями иных культур.

СИНЕСТЕЗИЯ: ВОПРОС О ГРАНИЦАХ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

Вологина, О.В. старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных специальностей ФМО БГУ, магистр филологических наук

Лингвистическое исследование феномена синестезии начинается с конца XIX в. В работе «Принципы истории языка» Г. Пауль замечает, что «сходство ощущений, воспринимаемых различными органами чувств, делает возможным перенос впечатлений с одного чувства на другое» [1, с. 117]. Большинство определений синестезии, встречающихся в лингвистической литературе, в целом схожи по сути и отражают классическое понимание синестезии как «использования слов, связанных с каким-нибудь органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства» [2, с. 191].

Тем не менее, некоторые авторы дают более широкое определение синестезии. Это либо переход значения слова из сферы физической в сферу психическую [3, с. 146], либо перенос по ассоциации различных понятийных сфер [4, с. 322], либо еще шире – это явление, при котором слово, выражающее какой-либо признак конкретного «предмета», сочетается с нематериальным «предметом», для которого данный признак не является характерным [5, с. 271]. Такое широкое толкование приводит к тому, что критерии выделения синестетического переноса значения среди других видов переносов становятся нечеткими, теряются отличительные черты и специфика этого языкового явления. Широта термина ведет к его более абстрактному пониманию и дает возможность подводить под этот термин всевозможные словосочетания.

По сравнению с другими типами переносов, особенность синестетического переноса заключается в том, что перенос значения происходит из одной сферы восприятия в другую. Следовательно, можно говорить о синестезии в чистом виде только тогда, когда оба структурных компонента синестетического образа принадлежат к сфере ощущений. Например, *бархатный голос* (слухо-тактильная синестезия), *теплые краски* (зрительно-температурная

синестезия). Такое понимание синестезии отражает самую характерную ее черту и дает более четкий критерий, с помощью которого можно отличить синестезию от других лингвистических явлений, например, от переноса чувственных восприятий на внутренние переживания – *тоска зеленая, горькая обида*. О необходимости данной дифференциации писал Ст. Ульманн [6, с. 233], указывая на то, что синестезия отличается от случаев аналогии между материальными и перцептивными фактами, с одной стороны, и психическими – с другой, поэтому приведенные выше примеры являются примерами псевдосинестезии, которая представляет собой также особый вид переноса значения, но в данном случае только один из компонентов словосочетания обозначает конкретное качество, получаемое с помощью того или иного органа чувств, а другой обозначает абстрактное понятие.

Вопрос о том, является ли синестезия метафорой по своей природе, также вызывает споры среди лингвистов. Так, Ст. Ульманн в своей работе «Семантические универсалии» говорит о том, что синестезия представляет собой «древнюю, широко распространенную, а возможно, даже универсальную форму метафоры» [7, с. 279]. О синестезии как о метафоре говорит и Н.Д. Арутюнова: «Прилагательные, обозначающие свойства предмета, познаваемые определенным органом чувств (зрением, осязанием и пр.), метафорически используются для дифференциации признаков, относящихся к другому аспекту материи. Так, идентификация оттенков цвета осуществляется «температурными» словами...; дифференциация звучания достигается словами, относящимися к пространственным параметрам, постигаемым зрением, или словами «осязательного» значения... Важно отметить, что метафора изменяет в этом случае логический порядок предикатов: признаки предмета трансформируются в признаки признаков предмета» [8, с. 336]. Ф. Уилрайт [9], Дж. Уильямс [10, с. 463], И.Н. Горелов [11, с. 71], Е. Маркс [12, с. 41] также относят синестетический перенос значения к переносам метафорического типа.

Однако не все лингвисты согласны с «метафорическим» толкованием природы синестезии. Так, Н.М. Жамаганова считает, что, находясь на стыке метафорической и метонимической деривации, синестезия является как бы связующим звеном между метафорой и метонимией [13, с. 4]. Н.Г. Смирнова отмечает, что «классическая интерпретация синестезии как определенного типа метафоры начинает уступать место пониманию ее как самостоятельного изобразительного средства, так как, в отличие от метафоры, синестезия выражает общность эмоционально-оценочной реакции на различного рода ощущения, но не отождествление самих ощущений» [14, с. 136]. Э.В. Комина замечает, что синестезию следует отличать от метафоры, поскольку синестезийные механизмы гораздо глубже, чем аналогии. И синестезия, и метафора, считает исследователь, создают образ, однако образ-

метафора строится на сравнении и логическом анализе. Синестезия же, по мнению Э.А. Коминой, «представляет собой такое поле мозаичных образов, где любой образ может легко перейти в образ иной модальности» [15, с. 118-119]. Б. Уорф понимает синестезию и метафору как разноуровневые явления, одно из которых порождает другое, и пишет по этому поводу, что «возможно, первоначально метафора возникает из синестезии, а не наоборот...» [16, с. 163].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 500 с.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М.: Международные отношения, 1977. - 265 с.
3. Kronasser, H. Handbouch der semasiologie. - Heidelberg: Winter, 1952. - 204 s.
4. Stern, G. Meaning and change of meaning. - Goteborgs: Wettergren and Kerber, 1931. - 456 p.
5. Аллендорф, К.А. Значение и изменение значений слов: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. - М., 1966. - 505 л.
6. Ullmann, S. The Principles of Semantics. – New York: Philosophical Library, 1957. – 346 pp.
7. Ульманн С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии). – М.: Прогресс, 1970. – С. 250-299.
8. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Том 37. – 1978. – №4. – С.333-343.
9. Wheelright, Ph. Metaphor and reality. - Bloomington and London, 1967. - 192 p.
10. Williams J. Synaesthetic Adjectives. A Possible Law of Semantic Change / J. Williams // Language. – 1976. – Vol. 52. – № 2. – P. 461-478.
11. Горелов, И.Н. Проблема функционального базиса речи: автореф.дис. ... д-ра филол.наук. - М., 1977. - 50 с.
12. Marks, E.L. On Perceptual Metaphors / E.L. Marks // Metaphor and symbolic activity. -1996. - № 11(1). - pp. 39-66.
13. Жамаганова, Н.М. Возникновение разговорно-окрашенной семантики немецких глаголов в результате переноса наименования / Н.М. Жамаганова // Вопросы строя немецкой речи. - М., 1982. - С.3-16.
14. Смирнова, Н.Г. Семантическая интерпретация синестетических переносов в сенсорных наречиях английского языка / Н.Г. Смирнова // Лексико-грамматическая сочетаемость в германских языках. - Вып. 2. - Челябинск, 1977. - С. 136-147.
15. Комина Э.В. Синестезийные опыты в творчестве В. Набокова: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Э.В. Комина; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2006. – 142 л.
16. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в лингвистике. Выпуск I / Под ред. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 135-168.